

Т.Н. КАНДАУРОВА

ВОЕННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ В ЕВРОПЕ И РОССИИ XVIII–XIX веков

Военно-поселенная система содержания армии получила развитие в XVIII–XIX вв. как в Европе, так и в России. Проблема содержания и комплектования вооруженных сил, охраны границ была актуальна для многих европейских правительств. При определении модели поселения регулярных войск в России в начале XIX в. император Александр I детально изучал опыт развития военных поселений в Европе (сохранились переводы работ и обзоры по австрийским пограничным поселениям)¹ и ознакомился с работой генерала Сервана де Гербея “Пограничные силы государства”, вышедшей в 1809 г.² В отечественной историографии бытовало мнение, что идея военных поселений была заимствована Александром I в Европе и “поселения заведены по образцу военной австрийской границы”.³ Но как отмечает историк К.М. Ячменихин: “Справедливости ради, необходимо отметить, что часть этих идей могли быть реализованы при поселении Елецкого полка, однако, они совершенно отсутствуют в схеме поселений, созданных после 1816 г.”⁴

Попытки провести сравнительный анализ и определить параллели между австрийской поселенной системой и российскими военными поселениями предпринимались, начиная с 1830–1840-х гг.⁵ Значительное сходство военных поселений в России XIX в. с австрийскими отмечал советский историк П.П. Евстафьев⁶. Аналогия прослеживается в наличии у каждого поселенного полка своего территориального округа, самообеспечении продовольствием и самокомплектowaniu, сочетании военной службы с сельскохозяйственными занятиями. “Главное же отличие граничарских поселений от российских заключалось в том, что первые не делились на поселенную и действующую части”⁷. Детальное изучение моделей военно-поселенной организации в России, получившей развитие в 1810–1850-х гг. и сравнение их с европейскими аналогами,

Кандаурова Татьяна Николаевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора культурологических проблем социализации Российского института культурологии (Москва).

¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 154, оп. 1, д. 115, 950.

² Шильдер Н.К. Александр Первый, его жизнь и царствование, т. IV. СПб., 1898, с. 23–24.

³ Иловыйский Д.И. Краткие очерки русской истории. Саратов, 1996, с. 300.

⁴ Ячменихин К.М. Армия и реформы: военные поселения в политике российского самодержавия. Чернигов, 2006, с. 45.

⁵ Мармон О.Ф. Путешествие маршала Мармона, герцога Рагузского, в Венгрию, Трансильванию, Южную Россию, по Крыму и берегам Азовского моря, в Константинополь, некоторые части Малой Азии, Сирию, Палестину и Египет, т. 1. М., 1840, с. 65–86, 144–181; Pidoll K. Des colonies militaires de la Russie compares aux confins militaires de l'Autriche. Paris, 1847; edem. Einige Worte über die russischen military-kolonien im vergleiche mit der K.K. Österreichischen military-grenze. Wien, 1847; Попов Н.А. Военные поселения сербов в Австрии и России. – Вестник Европы, 1870, т. III, № 6, с. 584–614; Евстафьев П.П. Восстание военных поселен Новгородской губернии в 1831 г. М., 1934, с. 41.

⁶ Евстафьев П.П. Указ. соч., с. 41.

⁷ Ячменихин К.М. Указ. соч., с. 44.

позволяют констатировать факты дифференциации европейских и российских моделей военных поселений при некоторых относительных параллелях их развития. При этом определенная идентификация российских военных поселений XVIII в. (ландмилития, Новая Сербия и Славяносербия) и XIX в. (военные поселения на Кавказе), по нашему мнению, допустимо и возможно только с австрийскими пограничными поселениями. Неудачными будут попытки сравнивать “военные поселения России XIX в. с ландверной системой Г.И.Д. фон Шарнхорста в Пруссии, который по праву считается отцом всеобщей воинской повинности и создания значительных обученных резервов, а также со шведской моделью поселений – “indelta”⁸.

Ландвер представлял собой категорию военнообязанных запаса второй очереди и второочередные войсковые формирования в Пруссии, Германии, Австро-Венгрии и Швейцарии в XIX – начале XX в.⁹ Он появился в 1808 г. в Австрии; в 1813 г. система ландвера была принята в Пруссии¹⁰. “Ландвер – это форма милиции, осуществленная в XIX веке в масштабе большого государства”¹¹. “Когда закончился цикл наполеоновских войн, Пруссия избрала самостоятельный путь в организации вооруженной силы. Этот путь обуславливался, с одной стороны, страшным финансовым и экономическим истощением страны, а с другой – необходимостью располагать в военное время армией, по численности соответствующей положению великой державы”¹². Прусский ландвер делился на два призыва. Первый призыв образовывали молодые люди в возрасте 20–25 лет, которые не попали на службу в регулярную армию. Во второй призыв входили отслужившие в резерве регулярной армии в возрасте 25–32 лет. “Ландверист, закончивший пребывание в первом призыве, перечислялся во второй призыв (на 7 лет), задача которого – образование крепостных гарнизонов и тыловая служба”.

Ландвер первого призыва периодически проходил обучение в ходе маневров вместе с постоянной действующей армией, которые длились от 14 до 28 дней в году. Ландвер второго призыва обучался 8 дней в году. Одновременно осуществлялась допризывная подготовка 17–20-летних. После демобилизации в 1815 г. ландвер получил следующую организацию: “на группу селений (волость), которая должна была выставлять ландверную роту первого призыва, устраивался предназначенный для учебных целей склад оружия и снаряжения; его сторожил фельдфебель роты – единственный ее кадровый солдат. По воскресеньям он руководил добровольными упражнениями ландверистов”.

Уезд в составе 50–60 тыс. жителей составлял батальонный ландверный округ. Батальоны округа сводились в один или несколько полков. В каждой провинции ландвером командовал генерал. “Вся организация ландвера была построена на дублировании административных районов военной ячейкой, что должно было обеспечивать ландверу возможную территориальную спайку”. При мобилизации ландвер вначале должен был “образовывать самостоятельные высшие соединения”, но впоследствии возобладали принципы перемещения постоянных и ландверных полков при формировании мобилизационных бригад. При мобилизации армия усиливалась составом 150 тысячного ландвера первого призыва. 110 тыс. ландвера второго призыва оставались для занятия крепостей и тыловой службы. “При солидном обеспечении тыловых потребностей Пруссия имела возможность выставлять на угрожаемой границе до 350 тыс. человек”. Но ландвер, который был пригоден вполне для оборонительной войны, “казался мало надежным для наступательных походов”.

В 1860 г. в ходе военной реформы, инициированной будущим императором Вильгельмом Прусским, от ландвера второго призыва отказались вовсе, ландвер первого призыва оставался исключительно для тыловой службы. Ландвер теперь состоял ис-

⁸ Там же.

⁹ Советский энциклопедический словарь. М., 1979, с. 694.

¹⁰ Ячменихин К.М. Указ. соч., с. 44.

¹¹ Свечин А.А. Эволюция военного искусства, т. 2. М., 1996, с. 184.

¹² Там же, с. 181–182.

ключительно из пяти возрастов – 27–32 года, которые выслужили сроки пребывания в постоянной армии и ее резерве. Общая продолжительность службы в постоянной армии и ландвере уменьшалась с 19 до 12 лет, “причем численность вооруженных сил сохранилась на том же уровне посредством увеличения ежегодного контингента”¹³.

В Швеции система индальты¹⁴ вводилась постепенно и позволила иметь государству постоянную армию. Она начала формироваться еще в XVI в. В годы правления Густава I Вазы начали проводиться впервые наборы рекрутов в королевскую армию из различных районов (ленов) страны. При королеве Христине особым государственным законом были созданы постоянные пехотные полки: 20 – в Швеции и 7 – в Финляндии, набиравшиеся из строго определенных ленов. С середины XVII в. вся территория страны была поделена на участки, называемые “индальта”. Крестьянские дворы, составляющие индальту и поделенные на роты, в случае войны обязаны были выставить одного солдата и содержать его семью. Вместо ушедшего воевать солдата “индальта” выставила на его место нового. Из таких рекрутов формировались полки второй, третьей и т.п. очереди.

Окончательное оформление системы индальты произошло при Карле XI. В 1680–1696 гг. он осуществил военную реформу, которая получила название “молодой индальты”. Вместе с системой индальты в шведской армии сохранялись и наемные полки. В 1682 г. король Карл XI выступил в риксдаге с предложением об укреплении обороны государства и введения милиционно-территориальной системы комплектования армии. Все обрабатываемые земли государств были разделены на участки, называемые “индальтами”, и выставили солдат на службу¹⁵. Суть военной реформы сводилась к тому, что теперь каждый лен – как в военное, так и в мирное время – должен был выставить и содержать полк численностью в 1200 солдат. Два крестьянских двора составляли так называемую “роту”, которая выставила одного солдата. В тех районах Швеции, где крестьянские дворы были маленькими, в роту входило от 3 до 15 дворов (хемманов). 150 солдат составляли воинскую роту. Часто географически рота соответствовала уезду. Из восьми рот формировался полк.

Солдат-новобранец получал участок земли с домом и скот, деньги на экипировку¹⁶. Он имел право на ежегодное жалованье, которое выплачивалось крестьянами либо деньгами, либо продуктами. Оружие и снаряжение солдатам выдавалось государством¹⁷. В XIX в. солдат “индальты” уже сам заботился о приобретении снаряжения. Каждый офицер “индальты”, в соответствии с чином, получал также свой двор, называвшийся “бостель”. При получении нового чина офицер переезжал в бостель, соответствующий его званию. Для комплектования кавалерии и военного флота вводилась такая же система. В кавалерии она называлась “рустхоллет”, на флоте – “ботсмансхоллет”. При комплектовании кавалерии кавалериста выставлял и содержал один крестьянин, именовавшийся рустхоллером. Государство освобождало крестьянина-рустхоллера от налогов, так как снаряжение кавалериста было дороже, чем снаряжение солдата. В свободное от военных занятий время кавалерист работал на рустхоллера. Но так же как и солдаты, он получал от рустхоллера торп и участок земли. Введение новой системы комплектования и содержания армии сопровождалось заключением специальных

¹³ Там же, с. 186–189.

¹⁴ Eben F. The Swedish Army. London, 1808; Kumm E. Indelt soldat och rotebonde. Stockholm, 1949; Ainefelt R. Den indelta armén i Vartofta härad. Falköping, 1985; Guillemot A. Rask, Resolut, Trogen. De indelta soldaterna i det svenska agrarsamhället Västerbotten 1860–1901. Umeå – Stockholm, 1986; Васильев А. Пехота шведской армии Карла XII под Полтавой. – Опл, 1992, № 1, с. 18; Backlund J. Rusthållarna i Fellingsbro 1684–1748. Indelningsverket och den sociala differentieringen av det svenska agrarsamhället. Upsala, 1993; Ericson L. Svenska knektar: indelta soldater, ryttare och båtsmän i krig och fred. Lund, 2004, и др.

¹⁵ Васильев А. Указ. соч., с. 18.

¹⁶ Вейбуль Й. Краткая история Швеции. Стокгольм, 1997, с. 51; Мелин Я., Юханссон А.В., Хеденборг С. История Швеции. М., 2002, с. 133.

¹⁷ Васильев А. Указ. соч., с. 18.

договоров с крестьянами провинций. Последний договор был подписан населением Вестерботтена в 1733 г. С 1812 г. постепенно стали вводиться рекрутские наборы, а система содержания армии населением была отменена в 1885 г. Однако на практике “принцип содержания армии крестьянами существовал вплоть до 1901 года”, когда он был заменен системой воинской повинности¹⁸.

Милиционно-территориальная система комплектования и содержания армии в Пруссии и Швеции напоминает в большей степени российскую поместную систему формирования армии, когда с определенной земельной дачи выставлялось соответствующее число воинов вместе с самим владельцем поместья¹⁹. Только в Европе это обеспечивалось представителями других социальных слоев – крестьян и населения определенных территорий.

Военные поселения получили развитие и в Австрии в виде пограничной стражи, функцию которой выполняли сербы, переселившиеся сюда из Османской империи²⁰. Однако, по мнению современного историка Ю.В. Костяшова, “Австрийскую Военную границу нельзя считать изобретением Габсбургов. Со времени Римской империи и на протяжении всего средневековья многие государства имели подобные пограничные области, обладавшие, по сравнению с внутренней территорией, особым военным устройством. Имелись они и в средневековом Сербском королевстве. Но, пожалуй, нигде и никогда им не принадлежало такое первостепенное значение, как в Австрии на протяжении XVI–XIX веков”²¹.

АВСТРИЙСКАЯ ВОЕННАЯ ГРАНИЦА

Территории австрийских военных поселений получили наименование Военной границы. Она была особой областью в составе Австрийской империи на границе с Турцией и имела военное устройство. Военная граница занимала часть Хорватии и Южной Венгрии от Адриатического моря до Трансильвании. Она сформировалась в конце XV в. вследствие войны христиан с турками и выселения южных славян из турецких областей. Первые поселения граничар в Австрии были основаны на территории Хорватии и Славонии²². «Частые набеги турок, – отмечалось в записке “О поселениях Австрийских на границе турецкой”, – и других соседственных народов Австрии соделали необходимым учреждение пограничного войска, коему даны потом необработанные земли, из чего были получены следующие выгоды: 1. Обработанье пустого края, постепенное основание домов, сел и городов, просвещение народов, до толе еще диких. – 2. Составление многочисленного войска, постоянно существующаго. Коего большая часть готова выступить во время войны, и охраняет границы во

¹⁸ Мелин Я., Юханссон А.В., Хеденборг С. Указ. соч., с. 134.

¹⁹ Уложение о службе 1556 г. – Полное собрание русских летописей, т. XIII, первая половина. СПб., 1904, с. 268–269.

²⁰ Hietzinger C.B. Statistik der Militargrenze des Osterreichischen Kaiserthums, Bd. 1–2. Wien, 1817–1823; Pidoll K. Des colonies militaires de la Russie...; Попов Н.А. Военные поселения сербов в Австрии и России. – Вестник Европы, 1870, кн. 6, т. 3, с. 584–614; Vanicek F. Specialgeschichte der Militargrenze aus Originalquellen und Quellenwerken geschöpft, Bd. 1–4. Wien, 1875; Березин Л.В. Хорватия, Славония, Далмация и военная граница, т. 2. СПб., 1879, с. 316–360; Ваничек Ф. История Воиничке крајине или Историја васцелог српског народа са ове и оне стране Дунава, Савве, Уне, Врбаса... Нови Сад, 1880; Schwicker J.H. Geschichte der Oesterreichischen Militargrenze. Wien, 1883; Rothenberg G. The Austria Military border in Croatia, 1522–1747. Illinois, 1960; Савковић Ј. Преглед појанка, развитка и равојачења Војне границе. Нови Сад, 1964; Rothenberg G. The Military border in Croatia 1740–1881. Chicago–London, 1966; Дабич В. Банска крајина 1688–1751. Београд–Загреб, 1984; Гавриловић С. Грађа за историју Војне границе у XVIII веку. Београд, 1989; Костяшов Ю.В. Сербские граничары. – Вопросы истории, 1997, № 5, с. 140–145; его же. Сербь в Австрийской монархии в XVIII веке. Калининград, 1997, с. 56–59, 87–92; Кирпиченко А. Сербские поселения на Украине в середине XVIII века. СПб., 2007, с. 12–45.

²¹ Костяшов Ю.В. Сербские граничары, с. 140.

²² Костяшов Ю.В. Сербь в Австрийской монархии в XVIII веке, с. 57.

время мира, не стоя казне ни малейшей издержки и обучается военным движениям»²³. В XIX в. площадь Военной границы составляла 353 кв. мили и 24 кв. сажени с населением 693,907 душ²⁴. По данным статистических описаний С. Гицингера в 1815 г. в австрийских поселенных полках числилось «мужеска пола – 473,100, женскаго пола – 467,498. Всего 940,598. Из оных способных к Военной службе 135,824». Они составляли 17 полков и 1 батальон²⁵. «Поверхности Земли в поселенных полках» считалось «около 863 квадратных миль»²⁶. При этом «в округах поселения имеется крепостей 3. Коммунитетов или Военных городов 11. Ярмарочных местечек 24. Деревень 1995. Во многих деревнях кроме военных поселян живут еще и посторонние жители»²⁷.

По мнению российского историка Л.В. Березина: «В деле создания Военной Границы принял непосредственное участие пришлый, славянский элемент, а не немецкий: не будь славянских переселенцев, может быть не было бы и Военной Границы. Правда, что, с течением времени, немецкий элемент, как представитель власти в стране, придал внутренней ее организации немецкий характер, однако, граничарское население и по сие время сохранило в себе задатки славянской народности»²⁸. Во второй половине XV в. при хорватско-венгерском короле Матвее Корвине «сербы и босняки стали массами переселяться из Турции на территорию хорватско-венгерского королевства». Славянским переселенцам отводились для жительства две области – «Лика» и «Крбава» с тем условием, что они образовывали из своего состава «военную пограничную стражу» с целью охраны хорватско-венгерской территории от турок. Переселенцы принесли с собой свое родовое устройство. В случае опасности поселенцы должны были формировать отдельные отряды – «дружины» (четы) и из своей среды выбирали начальников – «арамбашей»²⁹. Хорватский бан признавался пограничной милицией «поглаварем», и она подчинялась законодательству хорватского королевства. В мирное время милиция содержала себя за счет собственных средств. В военное же время одни дружины получали денежную субсидию от правительства и назывались «beoldete Nazionalmiliz», а другие служили бесплатно (unbesoldete Nazionalmiliz). И личико-крбавацкая Украина послужила, по мнению славянских историков, «первообразом хорватско-славонской границы»³⁰.

«Институт Военной границы был создан на южных рубежах Австрийской монархии во второй четверти XVI в. Первоначально это были отдельные военные поселения, главной целью которых была оборона от возможных нападений османов. К концу XVII в. система военно-территориальных поясов была уже достаточно развита в приграничных областях Австрии и Турции, в которых значительную роль играли славяне, особенно сербы. Австрийские власти охотно принимали сербских переселенцев, обладавших немалым военным опытом, о которых в Европе широко распространилось мнение как о первоклассных воинах»³¹. В XVII в. на территории Хорватии и Славонии сформировались три крупных крайны: Хорватская, провозглашенная позже Карловицким генералатом, и куда входили капитании от Адриатики до реки Купы, включая Жумберак; Приморская, располагавшаяся от Капельских гор до моря с центром в городе Сень; Банская крайна – от Карловца до Иванича³².

Изменение геополитической ситуации в регионе влекло за собой изменение территории и статуса Военной границы. С 1635 г. граница стала делиться на два генералата: Карловацкий с центром в крепости Карловац и Вараждинский с центром в городе

Вараждине. В 1689 г. были отвоеваны у турок области Лика и Крбава (в бассейне одноименных рек) и включены в состав Военной границы³³. Значительно Военная Крайна расширилась после окончания Венской войны. В 1699 г. к Австрии по Карловицкому миру отошли земли, «лежащая вдоль рек Саввы, Тесы и Мароша. Эти-то земли, которые стали отводить для поселения вновь прибывавшим из Турции славянским выходцам, образовали так называемую «славонскую Военную границу»³⁴.

Вновь созданная Славонская, или Посавская граница, центр которой был в Осиеке, тянулась вдоль реки Саввы от Градишки, Брода до Рачи, главных крепостей на границе с Боснией. К Посавской границе в районе Срема и Южной Бачки примыкала Подунайская граница со штабом в Петроварадине, она тянулась от Шида к Илоку, переходила на другой берег Дуная, включая Паланку, Ковиль, Титель и Петроварадинский Шанац (Нови-Сад). В военном отношении Подунайская граница подчинялась генералату в Осиеке³⁵. Потисская граница была устроена австрийцами вдоль Тисы от Тителя на север до Сегедина, где располагался ее центр. Продолжением Потисской границы стала Поморишская граница, лежащая вдоль реки Мориш, с центром в Араде³⁶.

Посавско-Подунайскую и Поморишскую границу населяли исключительно сербы, а в Потисской они составляли большинство. Кроме сербов, составлявших большинство населения Военной Границы в целом, «граничарами становились хорваты, немцы, венгры, румыны и представители некоторых других этнических групп»³⁷. В начале XIX в. здесь было «одних славяно-сербов более 728,000. Прочие суть: Волохи, Венгерцы, Немцы кои только считается 9,000, Греки, евреи и Цыгане»³⁸. Изначально Военная граница «имела чисто милиционное устройство». Сербские граничары назывались «Сербской народной милицией». У солдат милиции не было единой формы одежды, единого вооружения, единой системы воинских званий³⁹. Только в 1730-х гг. реформа «способствовала превращению сербской милиции в регулярное дисциплинированное войско». Тогда была разработана «новая четкая структура организации Военной границы»⁴⁰.

Население австрийской Военной границы включало в себя несколько категорий. В начале XVIII в. в его составе Ю.В. Костяшов выделяет четыре категории: 1. Милиция; 2. Чардацкое войско; 3. Отставные воины; 4. Внештатные жители⁴¹. Милиция несла активную военную службу по гарнизонам и в военных походах за пределами страны. В ее состав входили пехота (гайдуки) и конные (гусары), которые группировались в роты, капитании и обер-капитании. Чардацкое войско непосредственно осуществляло охрану границы с Турцией, военные караулы, выполнявшие роль пограничных отрядов, располагались у «чардацев» – деревянных сторожевых вышек. Военные караулы несли постоянно пограничную службу и были «несколько отдалены от полков, почему и отпускается провиант людям, на 8 дней в кои они отправляют службу свою»⁴². При приближении опасности они подавали сигнал о сборе войск и «все граничары, способные носить оружие, должны были собираться в поход и выполнять все заранее определенные для каждого обязанности»⁴³.

³³ Березин Л.В. Указ. соч., т. 2, с. 328; Костяшов Ю.В. Сербь в Австрийской монархии в XVIII веке, с. 57.

³⁴ Березин Л.В. Указ. соч., т. 2, с. 328.

³⁵ Костяшов Ю.В. Сербь в Австрийской монархии в XVIII веке, с. 57.

³⁶ Там же, с. 57–58.

³⁷ Там же, с. 58; Ваничек Ф. Историја Војничке крајине...; Seton-Watson R. W. The Southern Slav question and the Habsburg monarchy. London, 1911, p. 44; Гаврилович С. Грађа за историју Војне границе..., с. XIII.

³⁸ РГВИА, ф. 154, оп. 1, д. 950, л. 30б.

³⁹ Кирпиченко А. Сербские поселения на Украине в середине XVIII века, с. 20.

⁴⁰ Там же, с. 21.

⁴¹ Костяшов Ю.В. Сербь в Австрийской монархии в XVIII веке, с. 58–59.

⁴² РГВИА, ф. 154, оп. 1, д. 115, л. 100б.

⁴³ Березин Л.В. Указ. соч., т. 2, с. 334–335.

²³ РГВИА, ф. 154, оп. 1, д. 115, л. 90б.–10.

²⁴ Березин Л.В. Указ. соч., т. 2, с. 317.

²⁵ РГВИА, ф. 154, оп. 1, д. 950, л. 20б.

²⁶ Там же, л. 3.

²⁷ Там же, л. 30б.

²⁸ Березин Л.В. Указ. соч., т. 2, с. 320.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же, с. 320–321.

³¹ Костяшов Ю.В. Сербь в Австрийской монархии в XVIII веке, с. 56–57.

³² Там же, с. 57.

Одновременно "чардацкие формирования являлись своеобразным защитным кордоном от проникновения в страну чумы и других опасных болезней с Востока"⁴⁴, т.е. выполняли функции санитарных кордонов. Вдоль всей пограничной линии была размещена цепь санитарных зон — "контуманцев", где проходили карантин прибывавшие в страну лица и перегоняемый на продажу скот. Граничары также контролировали расположенные у карантинных "растелы" — площадки для приграничной торговли. Первые две категории граничар получали в пользование земельные участки, размер которых определялся воинским званием и числом мужчин в семье, способных носить оружие. "Земельный надел считался платой за несение службы, покрывая обычно 2/3 жалованья офицеров и рядовых, 1/3 выдавалась деньгами. Они освобождались от уплаты контрибуции, барщины, некоторых налогов и сборов"⁴⁵, имели налоговые льготы.

Третья категория населения Военной границы — отставные воины — также владели землей и имели такие же налоговые льготы, как и служившие граничары, но только пожизненно. Надел "пенсионера" подлежал контрибуции после его смерти. К внештатным жителям Военной границы относились не способные к военной службе гражданские лица. Они получали трехлетнее освобождение от налогов при занятии земледелием, а при постоянном занятии ремеслом и торговлей они имели такие же льготы, как и остальные граничары⁴⁶. Австрийские граничары платили государству поземельный налог и налог с занятий промышленностью и торговлей⁴⁷.

Граничары жили большими семьями-задругами, где сохранялись патриархальные отношения, обычно задруга включала 50–60 человек — представителей четырех поколений. Члены задруги должны были содержать одного или более солдат, снабжать его пропитанием и обмундированием. Главой задруги был самый старый и заслуженный мужчина в семье (гадза, домовладелец). Он не служил в войске и руководил всей жизнью в задруге, включая распределение работы, представительство перед властями, финансовые и материальные вопросы, решение внутренних споров⁴⁸. Австрийские власти, осознав выгоду от больших семей, поддерживали "сохранение задругской системы, которая стала экономической основой самой дешевой армии в Европе"⁴⁹.

С конца 1730-х гг. расширялись функции граничарских войск. До 1739 г. граничары не использовались за пределами Военной границы, но после заключения Белградского мира они принимали участие в многочисленных войнах, которые вели в Европе Габсбурги⁵⁰. С этого момента изменилось предназначение граничарских подразделений, они теперь сочетали два вида военной службы. Солдаты военной границы принимали участие и в наполеоновских войнах, более трети их погибли на полях сражений. При этом изначальная функция Военной границы оставалась приоритетной⁵¹. "Современники всегда подчеркивали высокие боевые способности граничар..."⁵². Высоко оценивал Военную крайну знаток сербов Ф. Таубе, называвший ее "величайшей драгоценностью австрийского дома"⁵³. Маршал О.Ф. Мармон также дал высокую оценку австрийской Военной границе: "Эти-то полки охраняют Австрийскую монархию со стороны Турции, и дают Австрийской империи семидесятитысячную

армию, всегда готовую к войне, и которая не стоит ей почти ничего во время мира"⁵⁴. Граница давала государству солдат в семь-восемь раз больше, чем другие области, и при этом "для службы государя своего, она представляет область самую населенную и богатую..."⁵⁵.

Хорошая боеспособность граничарского войска поддерживалась жесткой воинской дисциплиной и суровостью законов Военной границы⁵⁶. Должное внимание уделялось в Военной крайне военной подготовке. "Все сие войско и даже не служащие люди исправно обучаются в определенных дни каждой недели; прочие же время употреблено на земледелие и воинская служба, по возможности приведена в согласие с работой земледельческой. Во время войны кроме сих полков составляются из сего войска летучие отряды, а число служащих людей может в таком случае удвоиться"⁵⁷. Зимой в течение шести месяцев граничарские войска обучались "по 4 дни ученья по одиночке всего 24 дни; весною для ротного ученья 7 дней; осенью для дивизионного ученья (по 2 роты) 7 дней и того 38 дней к коним прибавя 10 дней для переходов составится для пехоты всего 48 дней; ученья по батальонно, по полкам и по бригадно назначаются особо..."⁵⁸.

Служба кордонная на Военной границе разделялась на три периода: "первой есть обыкновенная кордонная служба; второй наступает, когда по беспокойствам в Турции или по известиям об оказывающейся там заразы нужно усилить кордон, а третий когда обближается опасность. Для отправления службы в первом периоде потребно на кордоне 4199 человек, во втором 6798, в третьем 10,016, кои всегда сменяются через 7 или 14 дней"⁵⁹. Общим числом на каждого поселянина-граничара в первом периоде приходилось "по 42 дни отправления службы и 10 дней переходов", и при выгодных обстоятельствах "каждый пограничный Военный поселянин Государству обязан 100 днями службы"⁶⁰. И это было среднее число дней службы граничара, при более сложных обстоятельствах и малочисленности населения служили и больше, но старались все же службу уравнивать⁶¹.

Во второй половине XVIII в. размеры военных краин были сокращены по ряду внутриаполитических факторов. За время правления Марии Терезии доля граничар в австрийском войске сократилась до 1/5 части⁶² и "было обращено особое внимание на введение правильной организации в Военной Границе"⁶³. Окончательный вид австрийская Военная граница приобрела к концу 1780-х гг. "Она простиралась вдоль турецкой границы от Адриатического побережья (в районе городов Книн и Задар) до реки Златна Быстрица на границе с Буковиной, имела площадь 8631 кв. миль и около 900 тыс. жителей. В мирное время число находящихся на службе граничар едва превышало 45 тыс. человек, во время войны оно удваивалось"⁶⁴. В составе границы было шесть краин, или генералатов: Банская, Карлштадская, Вараждинская, Славонская, Банатская и Трансильванская, где было 17 полков и несколько других небольших формирований⁶⁵. Кроме пехотных и конных полков в состав граничар входила речная

⁴⁴ Костяшов Ю.В. Сербы в Австрийской монархии в XVII веке, с. 58.

⁴⁵ Там же, с. 58–59.

⁴⁶ Там же, с. 59; Ванчик Ф. Историја Војничке крајне..., с. 99–100; Савковић Ј. Преглед постанка..., с. 22–25.

⁴⁷ Pidoll K. Des colonies militaires de la Russia..., p. 44; Березин Л.В. Указ. соч., т. 2, с. 334.

⁴⁸ Мармон О.Ф. Путешествие маршала Мармона..., т. 1, с. 68; Pavličević D. Kućne zadruge u Vojnoj Krajini. — Naši teme, 1982, № 11, s. 1891–1898.

⁴⁹ Костяшов Ю.В. Сербы в Австрийской монархии в XVIII веке, с. 59.

⁵⁰ Там же, с. 87.

⁵¹ Pidoll K. Des colonies militaires de la Russia..., p. 38.

⁵² Костяшов Ю.В. Сербы в Австрийской монархии в XVIII веке, с. 88.

⁵³ Цит. по: Костяшов Ю.В. Сербы в Австрийской монархии в XVIII веке, с. 88; Taube F.W. Historische und geographische Beschreibung des Königreiches Slavonien und Herzogthumes Syrmien, Bd. 1–3. Leipzig, 1777–1778, Bd. 2, s. 101–102.

⁵⁴ Мармон О.Ф. Путешествие маршала Мармона..., т. 1, с. 65.

⁵⁵ Там же, с. 84.

⁵⁶ Березин Л.В. Указ. соч., т. 2, с. 331; Костяшов Ю.В. Сербы в Австрийской монархии в XVIII веке, с. 88–89.

⁵⁷ РГВИА, ф. 154, оп. 1, д. 115, л. 10об.

⁵⁸ Там же, д. 950, л. 12.

⁵⁹ Там же, л. 12–12об.

⁶⁰ Там же, л. 12об.

⁶¹ Там же, л. 12об.–13.

⁶² Костяшов Ю.В. Сербы в Австрийской монархии в XVIII веке, с. 89–90.

⁶³ Березин Л.В. Указ. соч., т. 2, с. 329–334.

⁶⁴ Костяшов Ю.В. Сербы в Австрийской монархии в XVIII веке, с. 91.

⁶⁵ Там же, с. 91–92; Березин Л.В. Хорватия, Славония, Далмация и Военная граница, т. 1. Карта Хорватии, Славонии, Военной границы и Далмации, сост. в 1879 г.; Т. 2. I. Далмация и Военная Граница. II. Военная граница. III. Общая этнография всех четырех юго-славянских провинций Австро-Венгрии, с. 329–330; Савковић Ј. Преглед постанка, развитка и равојањенја Војне границе, с. 62, 76, 162.

флотилия – “расквартированный в Воеводине Шайкашский батальон, использовавшийся для обеспечения безопасности судоходства по Дунаю, Савве и Тисе и борьбы с контрабандой”⁶⁶. Отмечалась во второй половине XVIII в. “дальнейшая милитаризация Военной границы”. “При этом, – отмечает Ю.В. Костяшов, – граничарские соединения все более утрачивали свои особенности по сравнению с частями регулярной армии. Система их комплектования начинала напоминать рекрутские наборы, с той лишь разницей, что краины давали пропорционально численности населения в шесть раз больше солдат, чем другие провинции Австрии”⁶⁷.

Пространство границы в начале XIX в. начиналось “у Адриатического моря, и продолжается по границам Кроации, Славонии, Баната и Трансильвании до Мормороша, у коего расположены 2 валлахские полка. Кордон сей имеет 230 миль длины. Он охраняется в мирное время 4380 человеками и заключает собою военный округ”⁶⁸. Полки были поселены так, что могли “удобно содержать караулы по всей Австрийской Границе, отделяющей оную от Турции, начиная от Адриатического моря, или лучше сказать от Морлахского канала до Галиции”⁶⁹. В 1820 г. пограничные военные поселения принесли государству доход в сумме 1 553 108 гульденов, “что в общей сложности составляет 1 гульден 22 крейцера с головы, а с квадратной мили 1799 гульденов”⁷⁰. Содержание пограничных поселений в этом же году стоило 2 487 896 гульденов, “в том числе собственно на войско вышло 1.384.823 гульдена” (без расходов на строительство крепостей, артиллерийские надобности и т.п.). Один солдат-граничар обходился австрийскому государству только в 31 гульден⁷¹.

Однако австрийское правительство постоянно искало “эффективный и наиболее дешевый способ управления и содержания граничарского войска” и экспериментировало в этом направлении. “Только до начала XIX в. было испробовано три десятка различных систем, которые одна за другой отменялись”⁷². Самой существенной реорганизацией Военной границы явилось введение в 1785–1787 гг. “так называемой кантональной системы”⁷³, проводимое генералом Жевейном. Каждому граничарскому полку определялся кантон с населением, и она становилась “базой для пополнения граничарского войска”. Возглавляли пограничные округа-кантоны офицеры, освобожденные от военной службы, но при этом им вменялись в обязанность забота об общественном порядке, надзор за граничарскими хозяйствами, судебные и другие функции гражданских властей (офицеры экономики)⁷⁴. Одновременно в каждом округе существовало и военное начальство, т.е. округу придавались “походные офицеры” во главе с полковником или майором. В их компетенции была пограничная и военная служба⁷⁵. Также вводилась новая структура полков (полк – дивизион – рота). Все жители округов подлежали юрисдикции полкового суда⁷⁶. Обязанности граничар сохранялись практически в прежнем объеме⁷⁷. В 1786 г. были упразднены пограничные кавалерийские эскадроны по причине недостатка правительственной субсидии на их содержание⁷⁸. Кантональная система была отменена в 1800 г., как не оправдавшая

себя⁷⁹. В 1807 г. был принят “Основной граничарский закон”, и он действовал до конца существования Военной границы⁸⁰.

Граничарские полки в Австрии имели “разное количество земли, некоторым образом соответствующее его людности, начиная от 16 ½ некоторые имеют до 107 квадратных миль. Жителей на всякую квадратную милю приходится около 1,091 души”⁸¹. В среднем на одну душу мужского и женского пола приходилось “4 с лишним десятины. – Из оных 1 с лишним пахотной, 1 сенокосу и пастбищных мест и 1 лесу, остальная неудобная”⁸². Мало удобной земли было у полков, поселенных в Трансильвании⁸³. В аналитическом обзоре статистического описания Гицингера значилось: “В 1764 году когда была назначена комиссия для раздачи земли пожелавшим вступить в состав поселенных полков, то им давалось около 10. Десятин”⁸⁴. В Военной границе “Задружное” начало, которое легло в основу домашней жизни граничара, проявлялось в своей силе и по отношению к поземельному его владению. Каждая “задруга” в Военной Границе была собственником большего или меньшего поземельного участка⁸⁵. По “Основному граничарскому закону” все члены семейства являлись совладельцами дома и прилегающей земли⁸⁶.

В 1871 г. был принят новый закон, регулировавший поземельные отношения в краине, и “поземельные владения в Военной границе были подразделены на две категории: наследственные поземельные собственности (Stammgut) и переходные поземельные собственности (Überland)”. Первыми имели право владеть те местные жители, которые несли воинскую повинность, вторыми и те, которые были освобождены от нее (иностранцы, духовенство всех вероисповеданий, лица торгового и ученого сословия)⁸⁷. Наследственная поземельная собственность была известна также «под именем “лен” (feudum)», т.е. поземельное владение одной семьи. При отсутствии наследников в семье наследственная земля переходила в собственность казны и делилась между бедными жителями края или “составившими себе известность в деле промышленности”⁸⁸. Участок переходного фонда мог быть изъят у владельца, если в течение трех лет он не обрабатывался им⁸⁹. Земли первой категории не могли быть проданы, заложены, переданы по духовному завещанию посторонним лицам. Поземельный закон 1871 г. прикреплял граничара к земельному участку и делал его “лишь номинальным собственником своего земельного владения”⁹⁰. “Земля же есть собственность казны”⁹¹. Земли второй категории с разрешения начальства можно было продавать, закладывать, отдавать в аренду и т.д. Размер поземельного налога определялся не доходностью земли, а ее размерами. Ежегодно Военная граница давала казне “приблизительно до 1,791,427 гульденов поземельной собственности”⁹².

В мирное время солдат кормился и содержался хозяином “пользующимся землею”. “Казна платит 12 гульденов земледельцу, у которого стоит солдат, за одежду онго, которая в мирное время и в границе того края, приспособляется к климату и обычаям жителей”. Во время войны пограничное войско одевалось и содержалось

⁶⁶ Костяшов Ю.В. Сербские граничары, с. 143.

⁶⁷ Костяшов Ю.В. Сербия в Австрийской монархии в XVIII веке, с. 92.

⁶⁸ РГВИА, ф. 154, оп. 1, д. 115, л. 15.

⁶⁹ Там же, л. 950, л. 206.

⁷⁰ Там же, л. 13.

⁷¹ Там же, л. 13–130б.

⁷² Костяшов Ю.В. Сербия в Австрийской монархии в XVIII веке, с. 91; Савковий Ј. Преглед постанка, развитка и развојачења Војне границе, с. 163.

⁷³ Костяшов Ю.В. Сербия в Австрийской монархии в XVIII веке, с. 91.

⁷⁴ Мармон О.Ф. Путешествие маршала Мармона..., т. I, с. 76–77.

⁷⁵ РГВИА, ф. 154, оп. 1, д. 115, л. 120б. – 130б.

⁷⁶ Там же, л. 14.

⁷⁷ Костяшов Ю.В. Сербия в Австрийской монархии в XVIII веке, с. 91.

⁷⁸ Березин Л.В. Указ. соч., т. 2, с. 235.

⁷⁹ Там же, с. 336.

⁸⁰ Гаврилович С. Основни граничарски закон из 1807 (1808) године. – Сборник Матице српске за историју (сборник за историју). Нови Сад, 1988, бр. 38, с. 139.

⁸¹ РГВИА, ф. 154, оп. 1, д. 950, л. 3.

⁸² Там же.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же, л. 4–40б.

⁸⁵ Березин Л.В. Указ. соч., т. 2, с. 346.

⁸⁶ Pidoll K. Des colonies militaires de la Russie..., p. 41.

⁸⁷ Березин Л.В. Указ. соч., т. 2, с. 346.

⁸⁸ Там же; РГВИА, ф. 154, оп. 1, д. 115, л. 12–120б.

⁸⁹ Березин Л.В. Указ. соч., т. 2, с. 347.

⁹⁰ Там же, с. 346.

⁹¹ РГВИА, ф. 154, оп. 1, д. 115, л. 110б.

⁹² Березин Л.В. Указ. соч., т. 2, с. 347–348.

“за счет казны, на правилах Армейских полков, со дня выступления их из своего округа”. На содержание солдата полагалось “8 десятин хорошей земли, 10 посредственной и 12 дурной”. “Один дом может иметь три хозяйства или имения, в таком случае содержит он 3-х солдат; если же к сему дому принадлежит еще более земли; то обязанности его уже не умножаются”. Дочери наследовали хозяйства отцов, как и сыновья, “с обязанностью доставлять и содержать солдат”. Каждый хозяин земли в Крайне управлял своей землею “по общим предписанным правилам, и с каждого имения получается, определенная повинность деньгами и натурою, в полковое казначейство для содержания полка”⁹³. В полковых округах были незначительные резервные фонды – общественные магазины для хлеба⁹⁴ и “общинные кассы”⁹⁵. Склады в коммунах граничар были созданы с начала XIX в., каждый дом должен был поставлять зерно в них из расчета два метцена (123 литра) с человека. Из этих фондов выдавалось граничарам зерно в неурожайные годы “при условии их позднейшего возмещения”⁹⁶.

“Владельцы имений” и все жители пограничных округов освобождались от обыкновенных податей и платили только “слабую повинность полковой казне”, от которой освобождались служащие солдаты, если не владели землей. “Жители не избавлены от государственных работ; но солдаты не подлежат оным”⁹⁷. Одновременно жители округов пользовались преимуществами “касательно ввоза иностранных произведений”. Большая часть офицеров в пограничных округах не имела земли, они получали жалованье как полевые офицеры и пользовались “только временно домом и небольшим садом”. Раньше они получали 2/3 жалованья землею и 1/3 деньгами. Те семейства офицеров, которые приобрели имения “до регентства Марии Терезии”, сохраняли их, “но с тем, только что будут ставить и содержать солдат”. Офицер из солдат также располагал имением и не держал при этом постоя⁹⁸.

Земельные владения округов Военной крайны разделялись на “пахотные поля, луга, сенокосные места, пастбища, фруктовые сады, огороды, виноградники и леса, которые занимают большую часть земли”⁹⁹. Были здесь также плантации “хлопчатой бумаги”, шелковичных и ореховых деревьев¹⁰⁰. В округах было устроено шесть шелковых прядилен, главные были в Винковцах, Градишке и Митровице¹⁰¹. В округах получили развитие различные отрасли животноводства – коневодство, овцеводство, разведение крупного рогатого скота, свиноводство, занимались местные жители и пчеловодством¹⁰². Пахотные земли в Военной границе тянулись “на пространстве приблизительно 71½ кв. миль”, пастбища обнимали пространство в 59 кв. миль, леса протянулись “на протяжении 90½ кв. миль”, виноградники занимали “пространство в 13 кв. миль”¹⁰³.

Австрийская Военная граница была не только военно-земледельческим, но и промышленно-торговым регионом. Жители пограничной крайны производили промышленные товары, изготавливали шляпы, ковры, занимались “выделыванием кож”. Выделывали “в довольном количестве” здесь также холст, сукно, мыло и свечи. Этим занимались в основном женщины. Мужчины занимались изготовлением виноградного вина и водки хлебной, картофельной и фруктовой, пива. “В некоторых местах делают жители: стекло, поташ, селитра и смола”¹⁰⁴. В 1820-х гг. в округах Военной границы было 2 218 жителей, занимающихся торговлей. Из округов вывозили: хлеб, скот,

вино, хлопчатую бумагу, табак, железо, холст, сукно и другие товары. При этом “цена товаров вывозимых превосходит цену ввозимых полмиллионом с лишком”. Важными торговыми артериями были реки Сава, Дунай, Тейса, Темешь, Кульп и Марош¹⁰⁵. Центрами торговли являлись города Карловац, Брод, Старо-Градишка, Глина, Ясеновац, Костайница, Завалье¹⁰⁶.

В Военной границе была сформирована система учебных заведений. В 1860 г. была проведена учебная реформа и устроено восемь учебных округов во главе с “граничарскими школьными советниками”. Все учебные заведения в округах делились на средние и низшие. Восмиклассная гимназия была устроена в г. Винковцах, а четырехклассная в г. Карловце, высшее реальное училище (семиклассное) в Раковце вблизи Карловца, а четырехклассные реальные училища в Госпиче и Петринье. К разряду низших учебных заведений относились уездные или городские училища и приходские училища. Первых в граничарских округах было 9 – в Карлопате, Оточце, Огулине, Глине, Костайнице, Ново-Градишке, Броде, Слуине и Грачае. К приходским училищам относились элементарные школы (почетнее), их в округах было создано 36 мужских, 29 женских и 313 для детей обоего пола; женских рукодельных школ было 29; воскресные школы (опетовнице), которых было 296. Общее число приходских училищ составляло 703. По школьному закону 1871 г. обучение стало обязательным для детей обоего пола. На содержание училищ и учителей граничарские общины выделяли 10% от поземельной подати¹⁰⁷. Таким образом, Военная граница выполняла помимо военно-политических и социально-экономических также определенные социокультурные функции, в том числе по формированию образовательного пространства и культурного потенциала территорий Австрии.

МОДЕЛИ РОССИЙСКИХ ВОЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ В XVIII–XIX вв.

Институт военных поселений в России имеет продолжительную историю и свои корни уходит в XVI–XVII вв., когда воинские поселения существовали на засечных чертах и линиях и служили защитой границ государства. В XVIII – начале XIX в. особый вид пограничных военных поселений составляли полки ландмилиции¹⁰⁸. Статус ландмилиции постоянно менялся, так же как и ее состав. Основная функция ландмилиционных частей состояла в охране окраинных территорий страны и обеспечения благоприятных условий для развития пограничных регионов, т.е. они являлись структурами или частями степного фронта¹⁰⁹ – движущей границы военных поселений¹¹⁰.

¹⁰⁵ Там же, л. 5.

¹⁰⁶ Березин Л.В. Указ. соч., т. 2, с. 359–360.

¹⁰⁷ Там же, с. 342–343.

¹⁰⁸ Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. Очерки. М., 1958, с. 46–47, 326–327; Рабинович М.Д. Полки петровской армии. 1698–1725. Краткий справочник. М., 1977, с. 20–21, 70–73; Карачаров И.А. Ландмилиция в охране границ Российской империи в XVIII в. – Вестник границы России, 1995, № 3; Циркун В.И. Ландмилиция – Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 г., т. 3. М., 2000, с. 277; Пенской В.В. Украинский ландмилиционный корпус в XVIII веке. – Вопросы истории, 2000, № 10, с. 147–153; Гукова Е.А. Украинский ландмилиционный корпус и проблема его финансирования в 1-й половине XVIII в. – Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия “История. Политология. Экономика”, вып. № 2 (42). Белгород, 2008, с. 55.

¹⁰⁹ Барретт Т.М. Линии неопределенности: северокавказский “фронт” России. – Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Императорский период. Антология. Самара, 2000, с. 163–194; Олейников Д.И. Россия в Кавказской войне: поиски понимания. – Россия и Кавказ сквозь два столетия. СПб., 2001, с. 69–88; Кантелер А. Южный и восточный фронт России в XVI–XVIII веках. – Ab imperio, 2003, № 1, с. 47–64; Рибер А. Меняющиеся концепции и конструкции фронта: сравнительно-исторический подход. – Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004, с. 199–222; Тернер Ф.Дж. Фронт в американской истории. М., 2009, с. 13–43.

¹¹⁰ Краченко В. Харьков/Харків: столица Пограничья. Вильнюс, 2010, с. 7.

⁹³ РГВИА, ф. 154, оп. 1, д. 115, л. 11об. – 12, 13.

⁹⁴ Там же, д. 950, л. 5.

⁹⁵ Березин Л.В. Указ. соч., т. 2, с. 348.

⁹⁶ Pidoll K. Des colonies militaires de la Russie..., p. 49.

⁹⁷ РГВИА, ф. 154, оп. 1, д. 115, л. 14.

⁹⁸ Там же, л. 12об.

⁹⁹ Там же, л. 11об.

¹⁰⁰ Там же, д. 950, л. 4об.

¹⁰¹ Березин Л.В. Указ. соч., т. 2, с. 358.

¹⁰² РГВИА, ф. 154, оп. 1, д. 950, л. 4об.

¹⁰³ Березин Л.В. Указ. соч., т. 2, с. 350–354.

¹⁰⁴ РГВИА, ф. 154, оп. 1, д. 950, л. 4об. – 5.

Первый опыт создания полков ландмилиции относится к петровскому времени, он начался на Украине и в Прибалтике¹¹¹. В 1713 г. по указу Петра I "О устроении в Киевской губернии Ландмилиции из пяти полков" и 7 тыс. военных поселенцев бывшей белгородской засечной черты были сформированы первые части пешей ландмилиции для защиты Украины от набегов крымских татар¹¹². В 1723 г. князь М.М. Голицын занялся устройством конной ландмилиции, были созданы 2 регулярных и 2 иррегулярных конных полка в составе 1500 человек каждый. В 1729 г. в составе частей южной ландмилиции было 4 регулярных и 6 иррегулярных конных полков. В 1730 г. были учреждены "для охранения пограничных мест" 16 конных и 4 пехотных украинских ландмилицких полка численностью в 22 700 человек¹¹³. В 1750 г. общая численность ландмилиции составляла 27 752 человека¹¹⁴.

В 1730 г. в царствование Анны Иоанновны были "учреждены Ландмилицкие Закамские четыре полка, в том числе один пехотный и три драгунских из тамошних прежних служб служивых людей и наименованы по городам там находящимся, а именно: Драгунских – Шешминский, Билярский, Сергиевский и Пехотный Алексеевский" численностью 4 454 человека¹¹⁵ "для защиты Оренбургского края от кочевых племен".

В 1736 г. все 20 пехотных полков были преобразованы, по представлению Б.К. Миниха, в конные и получили наименование Украинского ландмилиционного корпуса. С 1762 г. Ландмилиционный корпус был переименован в Украинский, и в 1763 г. число полков было сокращено до 1 конного и 10 пехотных. По штату 1762 г. в 24 полках ландмилиции состояло 26 598 человек. Полкам назначались постоянные квартиры в городах, но их задачи и назначение оставались прежними – полки по очереди несли охрану Украинской линии. В 1769 г. полки Украинского корпуса уравнивались в статусе с полевыми полками, и они были включены в общий состав армии. Датой ликвидации Украинской ландмилиции считается указ от 16 января 1769 г. "О именовании Украинских и Закамских Ландмилицких полков, конных, драгунскими, а прочих пехотными"¹¹⁶. В фонд содержания полков ландмилиции жители Украины платили особую подать, которая была отменена в 1817 г.¹¹⁷ С 1765 г. использовалась практика перевода ряда частей казачьих войск на положение ландмилиции. Петр I, "создавая особый род поселенных войск, одновременно предполагал решить вопрос снижения расходов на их содержание. Но в ходе реализации эти меры не дали сокращения военного бюджета, что было прямо противоположно основному положению Петра I"¹¹⁸.

В 1771 г. три конных полка Закамской ландмилиции были обращены на формирование легких полевых команд. Пеший полк в 1796 г. вошел в общий состав армии и был передислоцирован в центральные губернии России, и фактически прекратилось существование Закамской ландмилиции. В 1761 г. на южной границе Западной Сибири была учреждена Сибирская ландмилиция в составе 1 драгунского полка и 1 пехотного батальона, "но потом сие формирование, до предполагаемого о всех полках особо установленною воинскою комиссиею рассмотрения, отменено". В 1764 г. батальон

¹¹¹ Гукова Е.А. Оборона южных рубежей России в XVIII веке: Украинская линия и Украинский ландмилицкий корпус (1710–1780 гг.). (Автореферат канд. дисс.). М., 2009, с. 19.

¹¹² Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830, т. 5, № 2643.

¹¹³ Сборник военно-исторических материалов, вып. XVI. СПб., 1904, с. 9; Баюв А.К. Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны. Война России с Турцией в 1736–1739 гг., т. 1. СПб., 1906, с. 17.

¹¹⁴ Гукова Е.А. Указ соч., с. 21.

¹¹⁵ Сборник военно-исторических материалов, с. 10; Дубман Э.Л. Новая Закамская линия: судьба, проект, строительство. Самара, 2005.

¹¹⁶ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830, т. 22. № 16552; Гукова Е.А. Указ. соч., с. 21.

¹¹⁷ Гукова Е.А. Указ. соч., с. 22.

¹¹⁸ Там же, с. 25.

пехоты был расформирован, а из полка драгун в 1771 г. были составлены легкие полевые команды. В январе 1765 г. был учрежден "из Рославльского шквдрона" Смоленский ландмилицкий конный полк в составе 5 эскадронов¹¹⁹, просуществовавший до 1775 г. и переформированный в драгунский полк. В 1802–1803 гг. была сформирована ландмилиция для охраны Камчатского побережья. Для обороны Петропавловска была переброшена артиллерийская команда¹²⁰.

Помимо ландмилиции, в XVIII в. существовали поселенные полки, сформированные из иностранных служащих, изначально расквартированные на землях Украины. С 1725 по 1741 гг. было сформировано 5 гусарских полков из числа выходцев из других государств: сербский, грузинский, молдавский, венгерский и валахский. Первые десятилетия XVIII в. стали временем укрепления южных русских границ, которым угрожали Крымское ханство и Османская империя. После Ништадтского мира 1721 г. ведущим направлением в политике Петра I стало укрепление украинских земель посредством "привлечение южных славян на русскую службу"¹²¹. И "поскольку австрийская граница имела аналогичные проблемы, она становится образцом для русских управляющих кругов" в данной политике. Тогда же возникает идея поселения сербов в России, и в частности на Украине. "В ее основе лежали общность интересов российского и сербского народов в борьбе против турецкой агрессии, православной христианской религии, а также сходство языка и этническое родство русских, украинцев и сербов"¹²².

В октябре 1723 г. Петр I издал Универсал "с призывом к сербам вступать в гусарские сербские полки на Украине"¹²³. Начинается переселение сербов, болгар, венгров, волохов и представителей других национальностей в Россию и поступление их на русскую службу. Екатерина I Указом от 1726 г. подтвердила идею Петра I о формировании сербского гусарского полка, а Указом Петра II от 18 мая 1827 г. "сербская военная команда" переименовывалась в "Сербский гусарский полк". Решался вопрос о поселении сербов в Белгородской губернии. Анна Иоанновна издает серию указов Военной коллегии о поселении Сербского гусарского полка Ивана Албанеза в 1729 г. на Украине близ Бахмута, в районе крепости Тор (с 1784 г. Славянск)¹²⁴. В 1740-х гг. продолжалось единичное поступление сербов, болгар и других православных христиан с Балкан в российские гусарские полки¹²⁵. В 1774 г. в Новороссийской губернии было 10 поселенных полков¹²⁶.

Вторая волна массового переселения сербов в Россию пришлось на 1750-е гг. и была связана "с изменениями Австрийской военной границы" и, в частности, с расформированием Потисско-Поморишской военной границы¹²⁷. В 1751 г. на украинских землях было создано военное поселение Новая Сербия, где селились гусарский и пандурский полки под командованием И.С. Хорвата, служившего в Военной краине

¹¹⁹ Там же, с. 13–15.

¹²⁰ Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке. Военно-экономический потенциал России. М., 1973, с. 32–33.

¹²¹ Бажова А.П. Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в. М., 1982, с. 118–158; Гарабедян А., Комсалова Р. Переселение болгар и сербов в Россию во время Петра Великого и его наследников. – Сеоба Срба у Руско царство половинном 18. века. Сборник Радова са међународног научног скупа у Новом Саду, 7–9 Маја 2003. Нови Сад, 2005, с. 151.

¹²² Подов В. Поселение сербских гусарских полков Шевича и Прерадовича (Славяносербия, 1853–1764). – Сеоба Срба у Руско царство половинном 18. века, с. 213.

¹²³ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. М., 1984, с. 68.

¹²⁴ Гарабедян А., Комсалова Р. Указ. соч., с. 152; Подов В. Указ. соч., с. 213.

¹²⁵ Гарабедян А., Комсалова Р. Указ. соч., с. 153.

¹²⁶ Загорский Е.А. Военная колонизация Новороссии при Потемкине. Одесса, 1913, с. 3.

¹²⁷ Известие о походе Симеона Степановича Пишчевича 1731–1785. Под ред. Н. Попова. М., 1883, с. 1, 71, 87, 176–177.

Австрии, каждый численностью в 4000 человек и в составе 20 рот¹²⁸. В декабре 1751 г. Сенат и Военная коллегия выработали "условия поселения славянских эмигрантов"¹²⁹. В инструкции от 1751 г. генерал-майору Глебову, командиру артиллерии при том поселении, было определено: "1е Пришедших и впредь приходящих в подданство России сербов и прочих тамошних народов селить в заднепровских местах, начав от устья реки Каварлык, прямою линиею до верховья реки Тура, а с верховья оной на устье реки Каменки, от устья реки Каменки на верховья реки Березовки, от верховья реки Березовки на вершину реки Амелника и по оной вниз даже до устья ея, где она впадает в Днепр, уступя от Польской границы по 20-ти верст. <...> 5е Пашенной земли и прочих угодий поселяющимся сербам, отводить против ландмилиции и отставных российских, а имянно капитанам по 100., поручикам по 80., подпоручикам по 70., прапорщикам по 50. рядовым от 20. до 30. четвертей на каждую семью, а священникам и церковникам против того с некоторою прибавкою"¹³⁰.

В январе 1752 г. на имя генерал-майора Хорвата была выдана грамота, которая определяла условия поселения, ведения торговли и воинской службы сербов в России, определялась свобода вероисповедания¹³¹. По указу от октября 1752 г. в Новой Сербии могли селиться только выходцы из Молдавии, Волохии, Македонии и Сербии¹³². Гусарской роте отводилось 160, пехотной 120 кв. верст земли. Офицерам полагалось полное жалование по штатному окладу гусарских полков, а рядовым – 25%¹³³. Поселяемым полкам выделялось содержание от казны на жалованье, "за порции и рации", на амуницию, ружье, порох и свинец¹³⁴. Суд в Новосербском поселении осуществлялся по воинским уставам. Одновременно была сформирована законодательная база, регулировавшая обустройство сербов на новых землях. "Помимо степной полосы гусарские полки дислоцировались непосредственно за сплошной оборонительной линией. Сербские роты распределили по "шанцам" (укреплениям) на расстоянии 15 верст по периметру российско-турецкой границы и на глубину 55 верст. Такое расположение сил позволило закрыть границу с Польшей и частично поставить под контроль запорожских казаков"¹³⁵.

К середине 1750-х гг. на южной границе Малороссии появилось 18 поселений. Было также принято решение о строительстве крепости св. Елизаветы, заложенной

¹²⁸ РГВИА, ф. 405, оп. 2, д. 1989; Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830, т. 13, № 9919; Сборник военно-исторических материалов, с. 77–84; Загорский Е.А. Очерки по истории славянской колонизации в Новороссии в XVIII веке. Сербские военные поселения. – Военно-исторический вестник. 1912, № 1, с. 87–97; 1912, № 4, с. 125–148; 1913, № 1, с. 63–85; Синица В.И. Проблема югославянской эмиграции в русской политике 50–60-х годов XVIII в. – Вестник Белорусского гос. ун-та, сер. III, 1974, № 1, с. 14–18; Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996, с. 379–382; Подов В.И. Славяносербия. Очерки из истории заселения Донбасса в XVIII веке. Документы. Луганск, 1998; его же. История Донбасса. Т. 1. Донбасс в XVII–XVIII веках. Луганск, 2004, с. 44–46, 58–75, 310, 311; Рудяков П.В. На службу и вечное подданство... Сербские поселения Новая Сербия и Славяносербия на украинских землях (1751–1764). Киев, 2001; Славянские народы Юго-Востока Европы в России в XVIII в. М., 2003; Гаробедян А., Комсалова Р. Переселение болгар и сербов в Россию, с. 153–155; Кирпиченко А.И. Сербские поселения на Украине в середине XVIII века. СПб., 2007; Белова Е.В. Из прошлого Новороссии: сербы на охране российских границ (1750–1760-е гг.). – Новый исторический вестник, 2008, № 1 (17), с. 39–49.

¹²⁹ Синица В.И. Указ. соч., с. 15.

¹³⁰ РГВИА, ф. 405, оп. 2, д. 1989, л. 109.

¹³¹ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в., с. 153–156.

¹³² Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830, т. 13, № 10037.

¹³³ Синица В.И. Указ. соч., с. 15.

¹³⁴ РГВИА, ф. 405, оп. 2, д. 1989, л. 110–110об. По штату годовая сумма "на жалованье, за порции и рации и на денщиков" в военное время составляла 154 847 руб. 85 коп., в мирное – 35 176 руб.; "на ружье, амуницию и прочее" полагалось одновременно 27 265 руб. 20 коп.

¹³⁵ Белова Е.В. Указ. соч., с. 41.

летом 1754 г. у слияния рек Грузка, Каменистая и Ингул¹³⁶. В 1759 г. Хорвату разрешили сформировать Македонский и Болгарский полевые гусарские полки в составе "1000 рядовых в 10ти ротах", но в 1761 г. комплектование Македонского и Болгарского полков было отложено, формировали гусарские и пандурские полки Новосербского корпуса и Новомиргородского гарнизона¹³⁷. Хозяйство поселенцев складывалось и развивалось "под влиянием национальных традиций и потребностей". "На первых порах ведущее место занимали огородничество и садоводство, в дальнейшем – хлебопашество. Наибольшего развития повсеместно достигло скотоводство. <...> Кроме того, жители промышляли бортничеством, рыболовством, охотой. Поселенцам разрешалось в мирное время вести вольную торговлю и иметь личный промысел в Крыму, Молдавии и Польше"¹³⁸.

В 1753–1754 гг. было основано еще одно военное поселение из сербских выходцев со статусом иррегулярных войск, получившее название Славяно-Сербия¹³⁹. По Указу Сената сербским отрядам И.Г. Шевича и Р. Прерадовича была определена для поселения территория "от конца линии и поселения ландмилиции с Донецкой стороны, т.е. от Бахмута до Лугани в назначенных от линии укреплением редутами местах, а имянно: начав от Бахмута чрез вершину речки Сейжаровки и к вершинам рек Мияса и Белой, а от оных по назначенной в ландкарте красной линии и до Лугани, не впуская их по Сю сторону до конца, где донских казаков дачи до Бахмута простираются" (г. Артемовск Донецкой обл. Украины). По подсчетам Военной коллегии здесь можно было поселить "по примеру Новой Сербии до 3х тысяч, а с прибавлением в степь и до 5-ти тысяч" человек¹⁴⁰. По указу от 31 марта 1754 г. Шевич и Прерадович могли принимать в поселение людей разных наций – сербской, болгарской, валахской, и христиан. Им полагалось набрать по одному полку по 2000 человек каждый¹⁴¹.

Славяносербия, как и Новая Сербия, была автономной административно-территориальной единицей и не входила в состав провинции и губернии¹⁴². Летом 1762 г. в Новосербских поселениях в полках состояло 17 092 служащих, в Славяно-Сербии – 4264 служащих¹⁴³. К 1764 г. максимальное число славяно-сербских поселенцев не превышало 10 тыс. человек. Общее число поселенцев в Новой Сербии и Славяно-Сербии составляло до 25 тыс., "главным образом, из Османской империи и австрийских владений"¹⁴⁴. В этническом отношении состав славяносербского поселения был неоднородным. Здесь были представлены вместе с сербами молдаване, венгры, "волосская" нация, болгары, "унгорская нация", греки, македонцы, турки, представители наций – цесарской, моравецкой, славонской, выходцы из Малороссии, евреи, принявшие православие¹⁴⁵. Главная задача сербских поселенцев состояла в охране южной границы России и сдерживании турецкой агрессии. Другая важная задача состояла в освоении земель¹⁴⁶.

Поселенцы Славяносербии несли военную службу на южном фронтире, держали границы и осваивали новые территории, где земля "никогда не обрабатывалась и была

¹³⁶ Гаробедян А., Комсалова Р. Переселение болгар и сербов в Россию, с. 154–155.

¹³⁷ РГВИА, ф. 405, оп. 2, д. 1989, л. 112–115.

¹³⁸ Белова Е.В. Указ. соч., с. 43.

¹³⁹ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830, т. 13, № 10104; Подов В. Поселение сербских гусарских полков Шевича и Прерадовича (Славяносербия, 1753–1764). – Сеоба Срба у Руско царство половинном 18. века..., с. 213–222; Дегтярев Ю. Сказание о земле славяносербской – Славяносербия, 1753–1764. – Сеоба Срба у Руско царство половинном 18. века..., с. 222–243.

¹⁴⁰ РГВИА, ф. 405, оп. 2, д. 1989, л. 123об.

¹⁴¹ Там же, л. 124об.

¹⁴² Подов В. Поселение сербских гусарских полков Шевича и Прерадовича, с. 214.

¹⁴³ Сборник военно-исторических материалов, с. 77–78.

¹⁴⁴ Синица В.И. Указ. соч., с. 16.

¹⁴⁵ Дегтярев Ю. Сказание о земле славяносербской, 1753–1764, с. 228.

¹⁴⁶ Подов В.И. История Донбасса, т. 1, с. 61.

известна как Дикое поле”, и поэтому в первое время поселенцам приходилось очень трудно. Но постепенно отстраивались и обустривались селения, распахивались поля, поселяне обзаводились скотом и птицей, офицеры отстраивали имения, хутора, заводили водяные мельницы¹⁴⁷. На каждую поселенную роту выделялся участок земли. Часть ее отводилась под усадьбы гусар, другая – под посевы, сенокосы и выпасы. Рядовые гусары занимались сами обработкой земли, офицеры привлекали рабочую силу со стороны. Работники в Славяносербию приходили из соседних городов и сел Бахмутской провинции, из Черниговской губернии и других мест. Некоторые из них постепенно обзаводились собственными хозяйствами¹⁴⁸.

Население сербских шанцев делилось на три основные категории: “первые защищали границы империи; вторые – составляли резерв, который нес службу в случае выступления первых в дальний поход; наконец, третьи, так называемые фамилиаты, обрабатывали, как собственные земли, так и поля других двух разрядов в тех случаях, когда последние были оторваны от дома службой”. Славяносербскими поселенцами было основано 15 населенных пунктов. В поселениях развивались различные ремесла – изготовление холста, сукна, а также сапожное, кожевенное, гончарное, бондарное, деревообработка; широкое распространение получило винокурение, часть продукции поступала на рынок. В шанцах имелись кузницы и оружейные мастерские¹⁴⁹.

Освоение новых территорий, развитие сельского хозяйства и промыслов дали толчок развитию торговли. «Развитие культуры земледелия быстро изменяло облик края, который по воспоминаниям современников, во второй половине 50-х годов восемнадцатого столетия, преобразовался с Дикого поля в “обжитую провинцию”»¹⁵⁰. Военный и хозяйственный опыт, полученный в Военной границе Австрии ее выходцами, позволил в короткие сроки адаптироваться на украинском степном фронтире, успешно обеспечивать безопасность южных российских границ и освоить значительные территории в экономическом и культурном отношении.

В 1752 г. к двум военным поселениям сербов прибавилось третье внутри запорожских вольностей. Тогда было решено поселить поблизости от Новосербии малороссийский Слободской полк. “За ним были утверждены речки Самоткань, Бешка и Верблюжка”¹⁵¹. В 1764 г. Новая Сербия и Славяно-Сербия были подчинены Новороссийскому губернатору, и “поселение стало именоваться Екатеринославскою провинцией”. Разрешалось принимать на службу в полки малороссов. Все земли Славяно-сербского селения разделялись на 140 округов, а округа на участки, в каждом округе до 20 тыс. десятин земли¹⁵². В 1775 г. сербский и венгерский полевые полки получили статус поселенных¹⁵³. В декабре 1776 г. вышел Указ, регламентирующий новое устройство военных поселений. Число поселенных полков составило 15 (9 гусарских и 6 пикинерных, в составе 10 458 человек). Поселяне платили “общую поземельную подать”, а с 1777 г. были обложены подушной податью. Эти полки просуществовали со статусом поселенных до 1783 г., когда при общей реформе кавалерии они были заменены Екатеринославскими полками¹⁵⁴.

Российское правительство израсходовало на устройство и содержание сербских военно-пограничных поселений на юге страны, по сведениям разных источников, с

¹⁴⁷ Известие о походе Симеона Степановича Пишчевича, с. 185–193; Подов В. Поселение сербских гусарских полков Шевича и Прерадовича, с. 216, 219.

¹⁴⁸ Подов В. Поселение сербских гусарских полков Шевича и Прерадовича, с. 219.

¹⁴⁹ Дегтярев Ю. Сказание о земле Славяносербской, с. 233, 238, 239.

¹⁵⁰ Там же, с. 239.

¹⁵¹ Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации, с. 381.

¹⁵² РГВИА, ф. 405, оп. 2, д. 1989, л. 125об.–128.

¹⁵³ Сборник военно-исторических материалов, т. XVI, с. 17; Загоровский Е.А. Военная колонизация Новороссии при Потемкине, с. 9.

¹⁵⁴ История Украинской ССР, т. 3. Киев, 1983, с. 589–591.

1752–1762 гг. от 700 тыс. до 7 млн. руб.¹⁵⁵ Вкладывая значительные финансовые средства в развитие двух славяно-сербских военных поселений и используя опыт австрийских граничар, правительство решало одновременно несколько задач: обеспечивалось прикрытие границ в юго-западном регионе и создавались условия для сдерживания турецкой и крымской экспансии в регионе, “сербские гусары сумели хорошо поставить не только приграничную службу, но и разведку”¹⁵⁶, заселялись ранее пустынные территории края, активизировалось их хозяйственное, экономическое и социокультурное развитие.

По мнению исследователей истории русско-югославянских отношений, определенные для заселения территории были “устроены по образцу Австрийской военной границы – в зависимости от военных чинов переселенцев определяется земля, которая выделяется им в вечное владение”. Земли находились на границе с Польшей, Запорожской сечью и т.н. татарскими землями под турецким суверенитетом, а переселенцев из австрийских и турецких владений воспринимали здесь как “доверенных лиц” Москвы¹⁵⁷. Пограничные военные поселения сербов стали значимой частью Новороссийского фронта XVIII в. Выполняя, как и в Австрии, функции по охране украинских территорий, они внесли определенный вклад в развитие экономики, культуры и социальной сферы колонизируемых и осваиваемых регионов “расширяющегося пограничья”.

В начале XIX в. проблема сокращения расходов на содержание большой российской армии стала вновь актуальной, и поиск путей сокращения затрат приводит Александра I к мысли о создании военных поселений, но на совершенно иной основе. В XIX в. были созданы военные поселения для части дивизий, полков и рот регулярной армии. Военные поселения армейских частей должны были обеспечить экономию средств казны на их содержание за счет перехода на самопродовольствие и самокомплектование. В 1810 г. началось создание военных поселений в Белоруссии и был подтвержден указ о поселении запасного батальона Елецкого мушкетерского полка в Бобылецком старостве Климовичского уезда Могилевской губернии¹⁵⁸. Решили поселить один батальон полка с обязанностью для него по снабжению двух действующих батальонов продовольствием и постоянными квартирами и переселять местных жителей в Новороссию. Устройство поселения началось в феврале 1812 г. Отечественная война приостановила поселение Елецкого полка. В 1816 г. в округ был введен один из действующих батальонов полка, и “...опыт создания первого поселения в Белоруссии эмпирическим путем предопределил переход к массовому созданию военных поселений”¹⁵⁹.

С 1816–1817 гг. началось создание поселений пехоты близ Новгорода и кавалерии в Слободской Украине и в Херсонской губернии. Императором были выбраны те регионы, где значительными были фонды государственных земель, учитывался им также предшествующий опыт развития военно-поселенных структур на южном фронтире страны¹⁶⁰. Военные поселения были устроены на Охтенском пороховом заводе под Санкт-Петербургом, где к 1823 г. поселили три роты служителей завода. В 1837 г. началось создание пограничных военных поселений на Кавказе¹⁶¹ и поселений кавале-

¹⁵⁵ Белова Е.В. Из прошлого Новороссии, с. 47; Скальковский А.А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. 1731–1823, ч. 1. Одесса, 1836, с. 61; Багалей Д.И. Колонизация Новороссийского края и первые шаги его по пути культуры. Киев, 1889, с. 83; Шишмарев В.Ф. Романские поселения на юге России. Л., 1975, с. 46; Славянские народы Юго-Восточной Европы в России в XVIII в., с. 288.

¹⁵⁶ Белова Е.В. Из прошлого Новороссии, с. 45.

¹⁵⁷ Гарабедян А., Комсалова Р. Переселение болгар и сербов в Россию, с. 155.

¹⁵⁸ РГВИА, ф. 405, оп. 1, д. 1, л. 460–461об.

¹⁵⁹ Ячменихин К.М. Указ. соч., с. 38–39.

¹⁶⁰ Сборник исторических материалов, извлеченных из Собственной е.и.в. канцелярии. Вып. V. СПб., 1892, с. 68.

¹⁶¹ Положение о военном поселении на Кавказе. СПб., 1837; Ячменихин К.М. Военные поселения на Кавказе в 30–50-е годы XIX в. – Вестник Московского университета. Серия 8. История, 1991, № 4, с. 18–28; его же. Армия и реформы, с. 81–95.

рии в Киевской и Подольской губерниях. В 1816–1836 гг. в составе пехотных военных поселений состояло от одной до трех Гренадерских дивизий и двух пехотных полков (пионерные полки или инженерные части армии в Белоруссии). В 1817–1857 гг. в состав поселенной кавалерии входило от двух до четырех Уланских и две Кирасирские дивизии, одна конно-артиллерийская бригада. Пехотные военные поселения после 1831 г. по причине экономической неэффективности были преобразованы в округа пахотных солдат. На продовольствие от земли поселенных округов перешла из трех только одна поселенная гренадерская дивизия.

Российские военные поселения XIX в. не были однородными в их организационном, функциональном, системно-структурном, социально-экономическом, социокультурном и результативном отношении. Они дифференцировались во времени и пространстве, хотя при их учреждении определялись общие основы, принципы, характеристики, параметры и показатели, а также единый вектор их развития. Но конкретные обстоятельства места и времени, отработка на практике «опытной или «аракчеевской» модели развития» военно-поселенной организации и адаптация ее к условиям и местностям, выбранным под поселенные округа регионов, а также личностный фактор руководителей способствовали формированию различных вариативных моделей и выбору иных векторов развития нового государственного института. Получили развитие тогда четыре модели военно-поселенной организации – пехотные поселения, кавалерийские поселения, поселения служителей порохового завода и пограничные поселения на Кавказе. При этом они вовсе не являлись аналогами российской военно-поселенной организации XVIII в. Некоторую аналогию можно видеть в военных поселениях XVIII в. в Новороссии и военных поселениях на Кавказе 1830–1850-х годов только как во фронтирных образованиях или частях «расширяющегося пограничья»¹⁶², а также элементов контактных зон.

Самыми масштабными были военные поселения кавалерии, расквартированные в Харьковской, Херсонской, Екатеринославской, Киевской и Подольской губерниях. На их территории в 1856 г. проживало 616 689 человек. Территория округов кавалерийских полков в 1850 г. составляла более 2,4 млн. десяти¹⁶³. Военные поселения кавалерии представляли самую динамичную модель данной организации. Вторыми по масштабам были военные поселения пехоты в 1810–1831 гг., включавшие территории площадью более чем 1 млн. дес., где в 1855 г. проживало 155 140 человек¹⁶⁴. Пограничные военные поселения на Кавказе являлись третьей моделью. Численность населения в 1856 г. в кавказских поселениях составляла 1 440 человек¹⁶⁵. Четвертую модель организационно-системного военно-поселенного образования представляли военные поселения служителей Охтенского порохового завода. В 1856 г. в поселении завода проживало 3837 человек¹⁶⁶.

Основными целеполагающими критериями для российских военных поселений в XIX в. при их устройстве были определены самообеспечение и самопродовольствие отдельных частей регулярной армии за счет земли полковых округов, постоянное расквартирование армейских образований в полковых поселенных округах. Определялась также возможность подготовки резервов для пополнения действующих частей в районах их дислокации, что со временем позволило бы отказаться полностью от рекрутских наборов, следовательно, изменялась бы система комплектования армии. Александр I рассчитывал со временем перевести на положение поселенных всю

армию, что позволяло бы в значительной степени экономить государственные средства и стабилизировать финансовое положение страны. В военно-стратегическом отношении округа военных поселений рассматривались в качестве второго эшелона обороны северо-западных, западных и южных границ государства. На время военных кампаний территории поселенных округов определялись в качестве продовольственных баз и баз для формирования резервов действующей армии.

Военные поселения пехоты и кавалерии по основополагающим законодательным материалам должны были иметь общие системно-структурные принципы построения, в плане административного и организационного устройства, и в части хозяйственного и социокультурного развития¹⁶⁷. Однако по мере реализации проектов поселения пехотных частей на практике отказались от изначально принятого принципа поселения старослужащих солдат с предоставлением им хозяйства и необходимого продовольствия для солдат-постояльцев. В кавалерийских поселениях сразу в поселенный состав определялись местные или коренные жители. Военнопоселянское хозяйство здесь строилось на основе объединения хозяйств поселянина-хозяина, его помощника и приписанных коренных жителей, что позволяло увеличить его производственный потенциал почти на одну треть¹⁶⁸. В кавалерийских округах на хозяйство возлагалось больше обязанностей, и в частности по содержанию и продовольствию лошадей солдат-постояльцев и конских заводов. Здесь также учреждались общественные земельные фонды – пашни и сенокосы для формирования общественных запасов продовольствия и фуража, обрабатывавшиеся военными поселянами на коллективной основе. Опыт развития российских военных поселений в XIX в. показал полную эффективность в экономическом и финансовом отношении военно-поселенной организации кавалерии. Экономия бюджетных средств от перехода войск на продовольствие от земли поселенных округов с 1825 по 1856 гг. составила более 50,42 млн. руб. серебром¹⁶⁹.

Поселенным полкам для продовольствия армейских частей предоставлялись округа земли, а каждое военнопоселянское хозяйство получало от казны земельный участок и обязано было продовольствовать сначала двух, а с 1826–1827 гг. одного солдата-постояльца. При этом военные поселяне полностью освобождались от исполнения казенных повинностей и уплаты податей, не платили они и поземельный налог. Нормы земельных наделов были различными по округам поселения пехоты и кавалерии. В пехотных поселениях, по расчетам командования, минимальный надел должен был составлять 10 дес. на каждое хозяйство, под усадьбу и огород – 1 дес., под пашню – 6 дес. (по две десятины в трех полях, под сенокосные угодья – 2 дес. и под выгон – 1 дес.)¹⁷⁰. В отдельных пехотных округах остро ощущался земельный дефицит. В поселениях кавалерии земельные наделы поселянских хозяйств были большими. В 1845 г. они составляли: пахотной – от 13,5 дес. до 44,75 дес., сенокосной – от 2,75 дес. до 18,75 дес. По региональным поселениям нормы земельных наделов на хозяйство (пашня + сенокос) составляли в Украинском – от 21,25 дес. до 28,5 дес., в Новороссийском – от 29,33 дес. до 62,25 дес., в военном поселении в Киевской и Подольской губернии – по 34,5 дес.¹⁷¹ Размеры наделов определялись качеством почв

¹⁶² Проект учреждения о военном поселении пехоты, ч. 1–3. СПб., 1817; Проект учреждения о военном поселении регулярной кавалерии, ч. 1–3. СПб., 1817–1822.

¹⁶³ Кандаурова Т.Н. Военно-поселянское хозяйство по посемейным спискам: социально-экономический аспект и опыт количественного анализа. – Круг идей: развитие исторической информатики. Труды II конференции ассоциации «История и компьютер». М., 1995, с. 396–414; ее же. Системные звенья хозяйственной организации военных поселений кавалерии: военнопоселянское хозяйство. – Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование. XXIV сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 1995, с. 80–88.

¹⁶⁴ Подсчитано по: РГВИА, ф. 405, оп. 11, д. 910, л. 13об.–14, 232; оп. 10, д. 1590, л. 7об.

¹⁶⁵ Ячменихин К.М. Армия и реформы, с. 209.

¹⁶⁶ РГВИА, ф. 405, оп. 10, д. 631, л. 68об. – 69, 82об.–83.

¹⁶² Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007, с. 54–60; Барретт Т.М. Линии неопределенности: северокавказский «фронт» России. – Американская русистика: веки историографии последних лет. Императорский период. Самара, 2000, с. 163–165; Олейников Д.И. Россия в Кавказской войне: поиски понимания. – Россия и Кавказ сквозь два столетия. СПб., 2001, с. 73–86.

¹⁶³ РГВИА, ф. 405, оп. 11, д. 910, л. 13об.–14, 232; оп. 10, д. 1590, л. 3.

¹⁶⁴ Там же, оп. 10, д. 1406а, л. 3об.

¹⁶⁵ Там же, д. 1590, л. 9об.

¹⁶⁶ Там же, л. 3–3об.

и земельными фондами региональных кавалерийских полковых округов. Помимо земледелия и скотоводства поселяне занимались промыслами и торговлей.

Развитие хозяйственной системы и хозяйственных структур округов военных поселений определялось и регламентировалось верховной властью. При этом правительство стремилось придать устойчивость военнопоселянским хозяйствам, а также гарантировать стабильность их экономического развития. Дифференциация военнопоселянских хозяйств в экономическом отношении должна была быть сведена до минимума за счет рационального построения их материальной базы и укрепления производственного потенциала. Государство также принимало на себя обязательства по обеспечению ряда экономических и социальных гарантий и льгот для всех категорий военных поселян. Это были дотации при первоначальном обустройстве хозяйства, финансовая и материальная помощь при неурожаях, стихийных бедствиях, эпидемиях и падеже рабочего и продуктивного скота за счет перераспределения внутренних ресурсов поселенных округов (запасные хлебные магазины, заемный денежный капитал), займы из общих денежных капиталов, посевы ценных сельскохозяйственных культур. Экономические и социальные гарантии государства позволяли обеспечивать устойчивость хозяйственной системы поселенных округов и стабильное продовольствие расквартированных в них кавалерийских полков. Военным поселянам предоставлялось бесплатное медицинское обслуживание, для чего в поселенных округах учреждались госпитали и полугоспитали, богадельни, аптеки, фельдшерские и повивальные (акушерские) школы. Обязательным было в поселениях бесплатное начальное образование для детей всех военных поселян – кантонистов. Часть кантонистов получала бесплатно среднее профессиональное военное образование в учебных батальонах и эскадронах, сельскохозяйственное и медицинское в специальных училищах и школах.

В социальной структуре российских военных поселений XIX в. выделялось несколько категорий населения: военные поселяне-хозяева, помощники военных поселян-хозяев, кантонисты, необмундированные коренные жители, служащие и неслужащие инвалиды, непоселенные нижние чины, солдаты-постояльцы. Структура социальной организации также отличалась строгой иерархичностью построения. Каждая группа военных поселян выполняла в поселенных округах определенные для нее обязанности¹⁷².

Военные поселения служителей Охтенского порохового завода, организационно, структурно и в хозяйственном отношении оформленные в 1820–1823 гг., имели свои особенности, как в части их устройства, так и в части социально-экономического развития. Это было обусловлено их локальностью, меньшей масштабностью и специфическими задачами, которые они выполняли. Поселения на Охте обеспечивали стабильное развитие производства на одном из российских пороховых заводов. Поселяне-хозяева поселенных артиллерийских рот содержали служителей завода, а не солдат действующих полков. Социально-экономические характеристики и хозяйственные показатели этого поселения также отличались от таковых в других военно-поселенных структурах. Не являясь столь значительными как в поселениях кавалерийских округов, они позволяли развиваться заводскому военному поселению относительно стабильно. Военные поселяне-хозяева продовольствовали служителей завода. Охтенские поселения просуществовали до второй половины 1850-х гг. и были реорганизованы в процессе проведения реформы поселенной организации в 1857 г. Эти поселения вклю-

чали три поселенные роты, которые были “составлены из служителей ремесленников Охтенского порохового завода, способных к хозяйству”¹⁷³. В поселяне-хозяева здесь назначались служители-ремесленники, работавшие ранее на заводе, и хлебопашцы, а не старослужащие солдаты, государственные крестьяне или казаки, как это было в других поселениях. Это представляло одну из особенностей формирования хозяйственной базы округа военных поселений данного завода.

В каждую поселенную роту, т.е. в состав военных поселян-хозяев, определялось 42 хлебопашца и 84 ремесленника, или в целом по поселению 126 хлебопашцев и 252 ремесленника¹⁷⁴. “Цель поселения 3-х рот Охтенского порохового завода главной же состояла в обязанности продовольствовать от каждого хозяина по два постояльца из шести рабочих рот Охтенского порохового завода”. Хозяева-ремесленники продолжали жить в своих домах и вести свое хозяйство. Для хозяев-хлебопашцев отстраивали специально новые дома со всеми надворными постройками. Они обеспечивались всем необходимым от казны для обустройства своего хозяйства – рабочий и продуктивный скот, хозяйственный инвентарь, семена для первых посевов. И для хозяев-ремесленников, и для хозяев-хлебопашцев создавались примерно равные условия для развития их хозяйств. Хлебопашцы были “обязаны производить общественные работы в округе по распоряжению начальства и сверх того продовольствовать одного постояльца из нижних чинов завода, а ремесленник, получая собственное продовольствие, производить только работы по заводу”¹⁷⁵. Казна получала экономию уже на начальном этапе формирования поселенных рот Охтенского завода, так как хозяева-ремесленники имели собственное имущество и производственную базу, как и в поселениях кавалерии. Руководство военных поселений изначально использовало внутренние резервы и ресурсы округа завода, накопленные на первом этапе развития¹⁷⁶. И это являлось одной из общих характеристик государственной политики в деле формирования региональных военно-поселенных систем, оформления их хозяйственной базы и социально-экономической структуры.

С 1828 г. “для облегчения поселян в их обязанностях и для доставления им способов к улучшению состояния” военные поселяне-хозяева стали продовольствовать только одного постояльца, а на другого постояльца им производилась “указная дача провианта от провиантского Департамента”¹⁷⁷, т.е. сокращались повинности военных поселян-хозяев Охтенского завода. Одновременно расширились земельные владения ремесленников-хозяев, чтобы уравнять их с хозяевами-хлебопашцами. Власть стремилась совершенствовать социально-экономическую модель и хозяйственную систему поселений Охтенского завода, также адаптировало военнопоселянское хозяйство к новым условиям развития, наращивало его производственный потенциал и ресурсы, стремилось сформировать резервные фонды. Со временем предполагалось перевести все российские пороховые заводы и арсеналы в состав поселений.

Кавказские пограничные военные поселения получили развитие с 1837 г. “Положение о военном поселении на Кавказе” определяло цели военных поселений следующим образом: “...дав заслуженным воинам оседлость и умножив ими русское народонаселение в землях горских народов, оградить безопасность наших границ и путей сообщения от враждебных набегов, поспешествовать в том краю земледелию, торговле и промышленности, и посредством взаимных нужд и взаимных польз, положить, наконец, прочное основание к сближению с племенами, до сего нам чуждыми”¹⁷⁸. По своему назначению эти военные поселения определялись в качестве элемента кавказского фронта. Исходя из поставленных целей, назначались места размещения военно-поселенных структур в данном регионе, выбирались удобные земли, опре-

¹⁷² Проект учреждения о военном поселении регулярной кавалерии...; Правила, для руководства при выборе в кавалерийских полках, воинских чинов, в состав поселенных эскадронов, Правила о переходе коренных жителей в военные поселения округов военного поселения кавалерии. – Граф Аракчеев и военные поселения. 1809–1831 гг. Рассказы очевидцев о бунте военных поселян. Переписка гр. Аракчеева. СПб., 1871; Положение о военном поселении регулярной кавалерии. СПб., 1827; *Кандаурова Т.Н.* Социальная организация военных поселений в России. – Вестник Московского университета. Серия 8. История, 1997, № 4, с. 56–71; *Ячменихин К.М.* Армия и реформы, с. 139–186.

¹⁷³ РГВИА, ф. 405, оп. 11, д. 910, л. 18.

¹⁷⁴ Там же, оп. 4, д. 8605, л. 80б.

¹⁷⁵ Там же, л. 80б–9.

¹⁷⁶ Там же, оп. 1, д. 88, л. 219–229.

¹⁷⁷ Там же, оп. 11, д. 910, л. 18.

¹⁷⁸ Положение о военном поселении на Кавказе, с. 1–2.

делялись в них "нижние чины регулярных войск Отдельного Кавказского Корпуса, женатые и уже прослужившие известный срок".

Военные поселения на Кавказе имели особое административно-территориальное устройство, что было обусловлено как спецификой региона их расквартирования, так и теми задачами, которые определялись для них при организации как фронтального образования. Здесь не формировались округа поселений полков, поселения существовали в виде отдельных селений и при постоянных штаб-квартирах полков и батальонов, а также они были разбросаны на значительном пространстве региона. Следовательно, отсутствовал элемент их компактного размещения, единая система управления и единая военно-поселенная администрация. Военные поселения состояли в подчинении руководства штабов полков и батальонов, а также командиров линейных войск, расквартированных по соседству. Командир Отдельного Кавказского корпуса (ОКК) осуществлял общее местное руководство военными поселениями на Кавказе. Было создано специальное отделение по военным поселениям при Дежурстве штаба ОКК. "Сельское управление в каждом, как отдельном, так и при штабе устроенном, селении" состояло из "сельского приказа", включавшего старосту и двух его помощников, которые избирались поселянами и утверждались начальством¹⁷⁹.

"Положением" 1837 г. определялась география поселений на Кавказе: отдельные селения на Кавказской линии – по левому берегу р. Сунджи от крепости Грозной до впадения р. Сунджи в р. Терек и далее от соединения сих рек на Юго-Восток до владения Кумыкских, до гор Качалыковских; в Большой и Малой Кабарде на Военно-Грузинской дороге – на Кабардинской и Кисловодской линиях; близ Кубанских укреплений и за Кубанью. В Закавказье поселения предполагалось разместить в Джарской области, на Алазанской равнине; "по восточному берегу Черного моря, от границ Турции до оконечности хребта Кавказских гор, упирающегося в море при Гагринском укреплении", в Имеретии. В отдельных селениях надлежало поселить 2900 семей. Выбор конкретных мест для устройства отдельных селений вменялся в обязанность командира ОКК. Законодательство определяло условия этого выбора: "здоровое местоположение, безопасность от набегов хищников и оборона в местах, подверженных нападениям", наличие водных источников, достаточное количество земли, пригодной для хлебопашества, "местные способы к устройству жилищ и отоплению", удобное сообщение с большими дорогами, соседними городами и селениями¹⁸⁰.

Предназначение кавказских военных поселений, как поселений пограничных и опорных пунктов на фронтире, было иным, чем поселений пехоты и кавалерии. Военные поселяне не содержали здесь продовольствием действующие части армии. Главная их обязанность заключалась в охране поселений. Одновременно они должны были добросовестно заниматься сельским хозяйством, развивая его основные отрасли – земледелие и скотоводство, также ремесла и промыслы. Земские повинности (ремонт дорог, содержание воинского постоя, содержание почт, подводная повинность и др.) они начинали выполнять только через 5–10 лет после обустройства на новом месте. Военные поселяне кавказских поселений "в сословной иерархии... ближе всего находились к казачеству"¹⁸¹.

В Кавказские поселения определялись солдаты, прослужившие от 15 до 20 лет, "беспорочного" поведения и женатые, и имевшие "способности к хозяйственным и земледельческим работам". Старослужащим солдатам, которые владели "мастерствами" или знали какое-то ремесло, разрешалось поселяться при штаб-квартирах в городах. При водворении казна предоставляла каждому поселянину рабочий и продуктивный скот – пару волов, корову и 6 овец, набор земледельческих орудий, семена для первых посевов и необходимую домашнюю утварь¹⁸². Расходы казны на обустройство

поселянского хозяйства составляли от 160 до 330 руб. Казна также обеспечивала поселян землей. В Закавказье земельный надел хозяйства составлял 15 дес., на Кавказской линии – 20 дес. В поселениях при штаб-квартирах земля поселянам выделялась только под огороды. Поселянские дома отстраивались "по примеру жилищ туземцев как более свойственным климату, приспособляя к ним удобство русских изб и малороссийских мазанок". На постройку дома казна отпускала материалы и инструменты, стоимость их составляла 120 руб. ассигнациями¹⁸³.

Хозяйственная инфраструктура военных поселений на Кавказе была не так развита, как в других военных поселениях, а социально-экономическая модель их оказалась не столь гибкой и способной к адаптации. Ограниченный масштаб кавказских поселений был обусловлен целым рядом факторов, и в первую очередь, финансовыми и хозяйственными. Обстановка на Кавказе в конце 1830–1840-х гг. не позволяла быстро претворить в жизнь планы по развертыванию системы поселений. В условиях затяжной войны горцы постоянно осуществляли набеги на поселения, разоряли их, уводили скот, убивали поселян. И уже с 1843 г. новых поселений практически в регионе не создавали, а занимались вопросами укрепления и усиления уже существующих. С середины 1840-х гг. было принято решение об укреплении поселений на границе с Турцией. Недостаток земельных фондов в регионе не позволял расширять масштабы аграрного сектора, что затрудняло содержание семей поселян. Определенные сложности испытывали поселяне и при обустройстве на новом месте. Несмотря на объективные сложности, военные поселения на Кавказе в определенной степени активизировали освоение и колонизацию кавказского края, способствовали распространению здесь передовых способов производства и более высокой культуры земледелия, новой культуры хозяйствования, распространению грамотности и просвещения среди местного населения и во многом оправдывали функции военного фронтального образования.

Практика развития военно-поселенной организации в России в первой половине XIX в. показывает, что имелись значимые различия в развитии отдельных региональных военных поселений в их определениях и основах построения, включая результативность и экономическую эффективность. Определялось это как особенностями тех задач, которые перед ними ставились или были для них определяющими, так и спецификой состояния и развития регионов, в которых они формировались и функционировали. Время и опыт показали невозможность развития социально-экономических структур и хозяйственных систем всех региональных поселений по единой схеме, как это также предполагалось на начальном этапе. И здесь значимую роль сыграли местные особенности и уровень экономического развития отдельных районов России. Значимую роль при этом имели и субъективные факторы. Сказывалась и возможность государства осуществлять достаточно гибкую политику в деле регулирования социально-экономических процессов в рамках военно-поселенных образований на позднем этапе развития феодального хозяйства.

Практика жизни и время определили самые жизнеспособные модели развития российской военно-поселенной системы в XIX в. Нерентабельные и дотируемые правительством военно-поселенные образования были трансформированы, как это было с округами пехотных военных поселений¹⁸⁴, или не получили широкого развития как, например, военные поселения на Кавказе. Наиболее устойчивой в плане хозяйственного развития и социально-экономической динамики оказалась в России модель развития военных поселений кавалерии. Действующие части армии, расквартированные в округах поселения кавалерийских полков, полностью продовольствовались от земли своих округов. Доходы, получаемые от продовольствия действующих частей здесь, покрывали все расходы на устройство поселений, содержание военной администрации, развитие хозяйственной, социокультурной и коммуникативной инфраструктур.

¹⁷⁹ Там же, с. 46–49.

¹⁸⁰ Там же, с. 4–8.

¹⁸¹ Ячменихин К.М. Военные поселения на Кавказе, с. 28.

¹⁸² Положение о военном поселении на Кавказе, с. 24–25.

¹⁸³ Там же, с. 19–23.

¹⁸⁴ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1832, т. VII, № 5251; Ячменихин К.М. Армия и реформы, с. 171–173.

Округа кавалерийских военных поселений были изначально рентабельными, а государство получало прибыль в виде продовольствия пяти кавалерийских дивизий от земли поселенных округов, что позволяло существенно сокращать расходную часть бюджета военного министерства и государства в целом.

При сохранении некоторой преемственности российские военные поселения XIX в. качественно и количественно отличались от своих более ранних аналогов. В XVIII в. военные поселения в России были реализованы в форме пограничной стражи или степного фронта, что обусловило их относительную локальность, размещение на сравнительно малых территориях и только на границах, хотя и способствовали освоению новых регионов и сдерживанию турецкой агрессии. XIX век дал России более масштабные как в территориальном, так и численном измерении военные поселения, полифункциональные в своей основе и институциональном определении. Они были призваны, в первую очередь, служить хозяйственной базой армии, что значительно удешевляло ее содержание, являлись районами подготовки боевых резервов, регионами размещения продовольственных баз на случай срочного открытия военных кампаний, вторым эшелонном прикрытия границ. Военные поселения XVIII в. можно рассматривать как чисто фронтные военные образования, подобные австрийской Военной границе, хотя в своем составе они имели регулярные и иррегулярные части. Поселения XIX в. позволили также частично решить проблему отмены рекрутской повинности. Вместе с тем, военные поселения эпохи Александра I и Николая I дали совершенно новый аналог социальной структуры, многоуровневой и строго иерархичной в своем построении и аналог нового военно-административного устройства.

Относительно военных поселений XVIII в. можно говорить, с некоторой долей условности, об элементах добровольного начала – поселенные полки из иностранцев, отставных солдат, казаков – при отсутствии единой программы развития и устоявшихся единых форм выражения и развития (ландмилиция, поселенные полки, полки казачьи). В качестве образца тогда была выбрана австрийская Военная граница. Военные поселения XIX в. явились результатом проведения в жизнь масштабной государственной программы по улучшению и укреплению экономической базы армии и государственного регулирования жизни крестьянского и казачьего социумов посредством перевода их в военное ведомство (практическое отсутствие элементов добровольного начала, система государственной службы и патернализма). В качестве основы развития нового военно-поселенного образования XIX в. была определена целостная для своего времени концепция создания прочной хозяйственной базы для части действующей армии. На практике осуществлялась постепенная отработка принципов и форм поселения пехоты и кавалерии, и порой правительство действовало методом “проб и ошибок”, постоянно совершенствуя поселенные структуры. Для военных поселений XIX в. была характерна стабильная система мер государственного регулирования хозяйственных отношений и социальных аспектов жизни военных поселян. При этом была выстроена особая система взаимоотношений государства с подчиненными при обеспечении со стороны последнего ряда социальных и экономических гарантий.

* * *

При сопоставлении опыта развития военных поселений в Австрии и России становится очевидно, что результатом развития военных поселений в России в XVIII в. стало освоение новых районов на юге страны, расширение зоны степного фронта, ввод в хозяйственный оборот новых территорий; подобный же результат имели и военные поселения в Австрии. Военные поселения в XIX в. формировались в ранее освоенных районах и регионах России, развивались на уже имеющейся здесь хозяйственной основе, и также способствовали активизации экономического и социокультурного развития тех территорий, где создавались. Исключением стали Кавказские военные поселения, которые были схожи в своем целевом назначении и функциях и с российскими поселениями XVIII в., и с австрийской Военной границей. Особенностью становления и функционирования военных поселений в России в XIX в. являлась их закры-

тость и некая изолированность. Они также стали основой развития особого военно-земледельческого социума и формирования особой субкультуры. В рамках развития австрийской Военной границы также формировался особый военно-земледельческий социум и специфическая “границарская” субкультура. При сравнении российских военных поселений XVIII в. и XIX в. выявляется множественность моделей их развития во втором периоде, что не было характерно для первого этапа их существования и отличало их от австрийских военных поселений на всех этапах их развития.

Сравнивая военные поселения в Австрии и России, можно отметить также различные хронологические рамки. Австрийская военная граница существовала с XV–XVI вв. по XIX в. включительно. Военные поселения в России и в XVIII, и в XIX в. существовали всего несколько десятилетий, и можно говорить о прерывности их развития. Различными были и масштабы австрийской и российской военно-поселенной организации. Сходство австрийских и российских поселений отмечается в результативности их развития в социально-экономическом и социокультурном отношении – экономия бюджетных средств и сокращение расходной части бюджета за счет продовольствия от земли округов поселений, динамичное развитие хозяйственной, коммуникационной и социокультурной инфраструктур регионов их дислокации, формирование резервных фондов и запасов, решение ряда военно-стратегических задач, включая охрану границ, сильное государственное начало.